

Из этого следует, что отражение представления о картине мира, то есть создание конфигураций для отражения эмических абстрактных или, иначе, семантически нагруженных единиц, не обязательно жестко связано с теми сегментными единицами, которые мы выделяем при наблюдении за потоком речи.

Такое «расползание» эмической единицы по потоку речи мы наблюдаем во многих языках. Так, в восточнославянских языках вспомогательный элемент сослагательного наклонения сливается с союзом в единую форму *чтобы*. В германских и романских языках наблюдается фонетическое слияние вспомогательных элементов с предшествующим словом, а также предлога и артикля, особенно в итальянском и немецком языках.

Описанная здесь вкратце операциональная система создания конфигураций эмических единиц охватывает всю систему языка. Действуя согласно принципу прагматической достаточности, эта система отвечает за проявление семантических и прагматических функций сегментных единиц, так что они могут реализовывать сразу несколько функций и, таким образом, могут отразить то, что называется скрытой грамматикой, а также косвенно отражать понятийные категории. Поэтому мы можем утверждать, что язык (*language*) включает в себя не два компонента, т.е. систему языка (*language*) и речь (*parole*), но и третью систему – систему конфигураций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 440 с.
2. Богушевич, Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
3. Иванова-Мицевич, И. В. Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Иванова-Мицевич. – Минск, 2009. – 200 л.
4. Моррис, Ч. У. Знаки и действия. Значение и означивание / Ч. У. Моррис // Семиотика / сост., общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 118–133.

Е. А. Бухаткина
г. Минск, Беларусь

МНИМОКОНВЕРСИВЫ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В лингвистической литературе отсутствует единое мнение по вопросу о критериях конверсности и выявлении тех единиц, которые можно считать конверсными. Конструкции, которые не отвечают критериям истинной или полной семантико-синтаксической категории конверсности, называют *мнимоконверсными* [1; 2, с. 7], *псевдоконверсными* [3] или *квазиконверсными* [4, с. 275–283].

Наиболее адекватным, на наш взгляд, представляется термин *мнимоконверсный* (*мнимоконверсивы*), поскольку термины *псевдоконверсный* и *квазиконверсный* несут на себе дополнительные стилистические оттенки. Особенно наглядно разногласия проявляются в случае глаголов говорения вопросно-ответной семантики (*ask – answer* и др.), а также противопоставления типа *offer – accept*, *offer – refuse*: одни лингвисты относят их к конверсивам [5, с. 194], другие – к псевдоконверсивам [3, с. 8; 1; 6, с. 19]. Такие глаголы Э. В. Зуева определила как «сукцессивные конверсивы», обозначающие отношение, в котором существует определенная последовательность действий участников, и назвала их «псевдоконверсивами», не обнаруживающими основных признаков конверсности: «действия, обозначаемые такими конверсивами, не просто следуют одно за другим, но связаны отношением односторонней импликации» [3, с. 9]. В данных случаях последовательность двух действий строго детерминирована: «действия следуют друг за другом только в одном определенном порядке, часто отражая естественный ход событий» [7, с. 36].

На наличие односторонней импликации между подобными парами глаголов, когда «только второй член пары детерминирует наличие первого, а не наоборот», указывал и С. А. Добричев, называя их «полуконверсивными» [1, с. 30]. Здесь, по его словам, можно говорить о значении «контактности», «последовательности ситуаций в семантике глаголов», но не о значении одновременности, не о «симультанной (одновременной) связи», которая присуща «полным глагольным конверсивам» [6, с. 18–19].

Так, в ситуации, отображаемой глаголами *ask – answer*, имеется два участника. Один из участников спрашивает у другого о чем-то. Отношения между участниками можно продемонстрировать наглядно следующим образом (рис. 1).

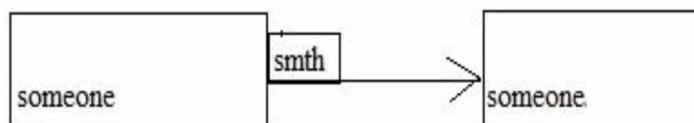

Рис. 1. Схема отношений участников ситуации, описываемой глаголами *ask – answer*

I asked a guy if Lucky put up any money or worked for his end of the bookmaker's profit (I. Fleming “Diamonds Are Forever”).

Подобная картина наблюдается и во французском языке с глаголом *demander*, определяемым как «interroger, questionner quelqu'un à propos de quelque chose, solliciter de sa part une réponse» (Larousse):

Elle avait oublié de lui demander son nom (K. Pancol “Les Yeux Jaunes des Crocodiles”).

Что же касается *answer* («to say something to someone as a reply when they have asked you a question, made a suggestion, etc») (Longman Dictionary), то в данном случае мы имеем дело со следующей ситуацией: «кто-то отвечает

(реагирует) на уже кем-то заданный вопрос (предложение)». Другими словами, ответ, или своего рода реакция, подразумевает то, что был поставлен кем-то вопрос:

*Now, you've **answered** all my questions very fairly, sir, and here's just one more* (Ph. Pullman "The Golden Compass").

У глагола *répondre* следующая дефиниция: «Dire ou écrire sa pensée, son opinion à celui qui la sollicite ou s'adresse à vous, dire en reponse à quelque chose» (Le Petit Robert):

*Écoutez, mon cher ami, j'ai bien réfléchi... déjà... à ce que vous m'avez proposé, et je ne veux pas vous laisser partir sans vous **répondre** un mot* (G. Maupassant "Bel Ami").

На первый взгляд кажется, что вполне возможно назвать глаголы *ask – answer, demander – répondre* конверсными. Однако, если провести более детальный анализ, становится очевидным, что в предложениях с данными парами глаголов описывается далеко не одна и та же ситуация. Думается, что *answer* и *répondre* предполагают присутствие вторых членов оппозиций, а именно *ask* и *demander* соответственно: наличие ответа подразумевает предшествующую постановку вопроса (если *answer*, то *ask*; если *répondre*, то *demander*).

У пар *ask – answer, demander – répondre* нет взаимной импликации. *Ask* не подразумевает *answer*, как и *demander* не подразумевает *répondre*. Не в каждой ситуации человек, спрашивая, уверен, что тот второй знает ответ на заданный вопрос. Следовательно, после вопроса ответа может и не поступить: *You didn't **answer** my question*.

Если учитывать, что постановка вопроса не влечет за собой обязательного ответа, то можно утверждать, что предложения с данными глаголами не отображают абсолютно одинаковые ситуации. Таким образом, глагольные пары *ask – answer, demander – répondre* можно отнести к мнимо-конверсным.

Аналогичная ситуация наблюдается и с глаголами *offer – accept (offer – refuse)* и их французскими эквивалентами *offrir – accepter (offrir – refuser)*. Дефиниция глагола *offer* следующая: «to ask someone if they would like to have something or if they would like to do something» (Cambridge Dictionary), а у *offrir* – «proposer, presenter une chose à quelqu'un en la mettant à sa disposition» (Le Petit Robert). Из словарных статей очевидно подобие значений, которое подтверждается примерами:

*Can we **offer** you something to eat or drink?* (T. Williams "To Green Angle Tower");

*Il **offrit** à son maître un repas frugal, mais tout parisien: le rôti cuit au four du boulanger, avec les légumes, la salade, et le dessert emprunté à la boutique même* (A. Dumas "Le Vicomte de Bragelonne").

Глагол *accept*, в свою очередь, означает «to take something that someone offers you, or to agree to do something that someone asks you to do» (Longman Dictionary). Схожее значение и у французского глагола *accepter* – «consentir à prendre quelque chose, à recevoir ce qui est offert» (Larousse):

*I **accept** your offer* (C. Cussler “Valhalla Rise”);

*Monck, aussitôt à son arrivée, avait **accepté** la proposition d’entrevue faite la veille par Lambert et que les lieutenants de Monck avaient refusée, sous prétexte que le général était malade* (A. Dumas “Le Vicomte de Bragelonne”).

Лексические значения глаголов *refuse* и *refuser* идентичны: «to say firmly that you will not do something that someone has asked you to do» (Longman Dictionary) / «répondre négativement à la demande de quelqu’un, ne pas lui autoriser quelque chose» (Larousse):

*And if I **refuse** your request?* (C. Cussler “Valhalla Rise”);

*C’est toute la vérité, mon cher monsieur, et, lui ayant **offert** un verre de cassis, qu’il **refusa** de boire, la vieille insista pour qu’on parlât dans le rapport des fausses pesées du boucher* (G. Maupassant “Bel Ami”).

Отношения между участниками ситуации можно представить в следующем виде (рис. 2).

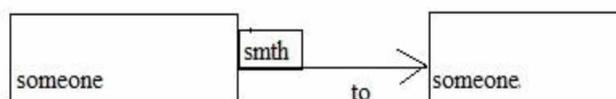

Рис. 2. Схема отношений участников ситуации, отображаемой глаголами *offer – accept*

В данную ситуацию вовлечены такие участники, как *предлагающий*, *принимающий* и собственно предлагаемая *вещь*. Иными словами, кто-то предлагает что-то кому-то, а другой принимает либо соглашается сделать то, что предлагает или просит его первый. Здесь, как и в предыдущих парах, имеет место односторонняя импликация, от второго члена оппозиции к первому, так как тот факт, что кто-то согласился на что-то (отказался от чего-то), означает, что перед этим кто-то это предложил:

*To a man, they **offered** their services, which were gracefully **accepted*** (C. Cussler “Valhalla Rise”).

Довольно странно было бы предположить, что принятие (отказ) произошел без предшествующего предложения чего-либо. Что касается импликации со стороны глагола *offer*, то этого нельзя заметить, так как, предлагая, у нас может быть только предположение, согласится (откажется) человек либо нет:

*She was kind enough to **offer** me a lift in her private jet to the airfield near Dad’s farm* (C. Cussler “Valhalla Rise”).

Резюмируя все вышеизложенное можно сделать вывод о том, что глаголы *ask – answer*, *offer – accept/offer – refuse* и их французские эквиваленты (*demander – répondre*, *offrir – accepter/offrir – refuser*) едва ли можно квалифицировать как конверсивы, поскольку они, в отличие от подлинных конверсивов, при помощи которых возможно отображение одной и той же ситуации, описывают разные события, точнее, последовательность событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добричев, С. А.* К вопросу о мнимоконверсных структурах в современном английском языке / С. А. Добричев // Семантические и прагматические аспекты изучения языковых единиц : материалы краев. науч.-практ. конф. / Барнаул. гос. пед. ин-т; редкол.: Л. Ф. Супрун [и др.]. – Барнаул : Полиграфист, 1987. – С. 29–31.
2. *Рудакова, Л. С.* Конверсные соотношения между глаголом и глагольно-именным словосочетанием в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. С. Рудакова ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1980. – 16 с.
3. *Зуева, Э. В.* Конверсные отношения в лексике в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Э. В. Зуева ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1980. – 18 с.
4. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян ; под ред. В. Ю. Розенцвейга. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
5. *Уфимцева, А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева ; под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
6. *Добричев, С. А.* О некоторых вопросах семантико-парадигматического анализа конверсных глаголов английского языка / С. А. Добричев // Семантический синтаксис современного английского языка : сб. ст. / Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; под ред. П. И. Шлейвиса. – Пятигорск, 1976. – С. 16–25.
7. *Варшавская, А. И.* Системные лексические противопоставления и их взаимодействие с синтаксисом (на материале английских предложений, выражающих последовательность двух действий) / А. И. Варшавская // Системное описание лексики германских языков : сб. науч. ст. / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова ; под ред. К. А. Ивановой. – Л., 1976. – Вып. 1. – С. 36–40.

О. С. Горицкая

г. Минск, Беларусь

ОЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ*

Русский язык как полицентрический. Русская речь жителей Беларуси имеет специфику на различных уровнях языковой структуры: в фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе [1; 2; 3; 4; 5; 6], что обусловлено языковыми контактами (в первую очередь влиянием белорусского языка), а также действием внутриязыковых факторов языковой эволюции. Основным экстралингвистическим фактором, способствующим появлению и распространению этих особенностей, является русско-белорусский билингвизм, законодательно закрепленный в Беларуси как независимом государстве.

* Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).